ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ФИДЕЛЯ КАСТРО РУСА НА ТРАУРНОЙ ЦЕРЕМОНИИ ПРОЩАНИЯ С ЖЕРТВАМИ ВЗРЫВА ГРУЗОВОГО СУДНА «ЛА КУБР» НА КЛАДБИЩЕ КОЛОН 5 МАРТА 1960 ГОДА **[1]**

Fecha:

05/03/1960

Дата: 05.03.1960 г.

Товарищи!

В истории каждого народа есть некие вехи; бывают эпохальные минуты, и такую трагическую и горькую минуту переживаем мы сегодня.

Прежде всего, чтобы никто не подумал, что нас захлестнули эмоции, чтобы всем было ясно, что народ здесь способен мужественного взглянуть правде в глаза, что он может рассуждать трезво, что он не прибегает к обману, не ищет предлогов, что он исходит из очевидных истин, а не из нелепых предположений, сперва мы должны проанализировать факты.

Вчера во второй половине дня, когда все усердно трудились: рабочие, государственные служащие, правительственные чиновники, военнослужащие Революционных вооруженных сил, учащиеся – в тот момент, когда все были заняты самым правым делом, которым может заниматься народ – работой, когда все мы трудились для того, чтобы решить те грандиозные задачи, которые перед нами стоят, нашу столицу сотряс чудовищный взрыв.

Мы с товарищами тогда были за работой, и благодаря тому чутью, которое, бывает, позволяет уловить самую суть, мы сразу же обеспокоились, что случилось что-то серьезное на электростанциях, или в военной казарме Сан-Амбросио, или на судне, нагруженном боеприпасами и взрывчатыми веществами, которое на рассвете пришвартовалось в гаванском порту. Нас посетило предвидение беды, мы почувствовали, что взрыв, где бы он ни прогремел, имел поистине катастрофические последствия, что он вызвал множество жертв, и, к сожалению, все действительно оказалось так.

Об остальном, обо всех тех минутах глубокой скорби и печали – но не страха – в городе, всем уже прекрасно известно. В первую очередь нужно сказать о реакции народа. Народ не испугался взрыва, он пошел на взрыв; людей не охватил ужас, их сердца были полны отваги, и, даже не зная точно, что произошло, народ устремился к месту взрыва, туда направились и рабочие, и ополченцы, и солдаты, и другие сотрудники силовых ведомств, все стремились оказать посильную помощь.

То, что произошло на самом деле, оказалось ужасным: корабль, ошвартованный у причала, взорвался в момент разгрузки груза, сразу не стало полсудна, а ударная волна буквально смела рабочих и солдат, работавших на борту.

Многие, наверное, задают себе вопрос: «Почему взорвалось судно?» Можно ли признать

этот взрыв трагической случайностью? Люди, которым не приходилось иметь дело с взрывчатыми веществами, могут подумать, что это был несчастный случай. Всем известно, что взрывчатые вещества – взрываются, и можно предположить, что взрываются запросто. Однако это не так. На самом деле, не так уж и легко они взрываются, для того, чтобы спровоцировать взрыв, необходимо определенное внешнее воздействие.

Тогда что же все-таки произошло? Другой возможный вариант – диверсия. Но, как так– диверсия? Где? Разве можно устроить диверсию при таком скоплении людей? Разве можно, среди бела дня, провести диверсию в присутствии солдат-повстанцев и портовых рабочих? Если это диверсионный акт, как его совершили? И, прежде всего, почему диверсионный акт, а не трагическая случайность?

Какой груз перевозило судно? Ящики с пулями и винтовочные гранаты для FN FAL, применяемые против танков и живой силы. С судна на пристань успели сгрузить все ящики с пулями. В момент взрыва на борту пуль не было. Их перевозили в последнем, дальнем отсеке кормового трюма, и рабочие успели перенести их на пристань. Оставалось разгрузить верхний отсек, где находились холодильные камеры трюма, оборудованные для транспортировки винтовочных гранат. Ящики с пулями выгрузили до взрыва. Взрыв произошел при разгрузке ящиков с винтовочными гранатами общим весом в 30 тонн.

Если на корабле не случился пожар – потому что пожар тоже может спровоцировать взрыв – если не было пожара на судне, то мог ли произойти взрыв от падения одного из ящиков, например? Во-первых, очень маловероятно, что ящик мог упасть, потому что рабочие прекрасно знали, какой груз они переносят, и с таким грузом портовые грузчики сталкивались не в первый раз. Много лет взрывчатые вещества и боеприпасы разгружаются в гаванском порту и никогда, если память нам не изменяет, не было ни одного взрыва. Портовые рабочие уже много лет работают с таким грузом и превосходно знают, как с ним нужно обращаться и какие меры безопасности необходимо соблюдать, так, они натягивали сеть под ящик, чтобы избежать самой возможности падения. И они тем более были заинтересованы в сохранности груза, потому что знали, что это вооружение для защиты Революции. У них уже был опыт, раньше они, бывало, даже выполняли эту работу совершенно бесплатно, добровольно, не получая ни сентаво, они считали это своим вкладом в дело Революции.

Грузчики знали, что они переносили. Маловероятно, что ящик мог упасть. Но, допустим, что такой маловероятный случай все же произошел, но даже если это и так, может ли ящик гранат взорваться, если он упадет, может ли ящик гранат взорваться при падении? Тем более, когда речь идет о гранатах, выпускаемых одним из лучших в мире заводов по производству оружия и боеприпасов, для применения в боевых условиях, и поэтому они должны быть абсолютно безопасными в использовании. Чтобы боеприпасы взорвались при заряжании оружия, или при обращении с ними, или при подготовке к выстрелу – такое практически невозможно, и, насколько я помню, худшее, что случалось с гранатами за всю войну – это то, что одна из них могла не взорваться после запуска. Но мы никогда не слышали о том, чтобы граната взорвалась в винтовке, поскольку такая граната при запуске получает ускорение от выстрела, и это довольно сильное воздействие, которое граната получает уже без предохранительной чеки, который граната получает без предохранителя, и, однако, она не взрывается. Единственное, что может произойти, что из-за дефекта, из-за какого-либо дефекта, она не взорвется при попадании в цель. А чтобы граната взорвалась прямо на винтовке – вот о чем мы никогда не слышали.

Итак, какова вероятность того, что граната взорвется от падения ящика? Разве гранаты перевозятся без предохранителя? Разве они лежат в ящике как попало? Разве перевозят такой груз, пренебрегая безопасностью людей, которые будут с ним обращаться, грузить и разгружать? Необходимо подсчитать, сколько раз эти ящики перемещают, чтобы доставить их от завода до склада. Даже если предположить маловероятное, весьма маловероятное – что ящик упал, разве вообразимо в принципе, чтобы он взорвался, чтоб произошел случайный взрыв? Мы

можем заверить вас в том, что такое абсолютно невозможно!

Но, поскольку теоритические заключения не могли полностью нас удовлетворить, мы распорядились, чтобы провели соответствующие испытания. Сегодня утром мы приказали офицерам армии взять два ящика с гранатами двух разных образцов, погрузить их на самолет и сбросить с высоты 400 и 600 футов соответственно. И вот гранаты, сброшенные с высоты 400 и 600 футов; точно такие же гранаты, как те, что находились на судне. (Показывает гранаты народу.)

Как можно думать, что гранаты могут взорваться, упав с высоты восьми футов, в ящике и с предохранителями? С такой высоты даже ящик фактически не пострадает от удара, не то, что с высоты 400 и 600 футов плюс скорость самолета. Деревянные ящики, сброшенные с самолета, от удара вошли на несколько футов в землю и почти полностью рассыпались, однако ни одна из 50 лежавших в них гранат не взорвалась. И я уверен, что такой эксперимент мы можем повторить хоть сто, хоть тысячу раз, и гранаты не взорвутся; потому что на взрывчатые вещества, для того чтобы произошел взрыв, нужно оказать внешнее воздействие. И во время войны часто сброшенные бомбы не взрывались, и эти бомбы мы использовали, чтобы запастись взрывчатыми веществами для наших мин, и мы не помним ни единого примера их случайного взрыва; всегда для взрыва нужно было внешнее воздействие. Итак, то, что произошло, не было случайностью, не могло быть случайностью, а значит, это было сделано преднамеренно. Нужно было исключить любую возможность трагической случайности, для того чтобы прийти к единственно объяснимому варианту – взрыв был умышленно подстроен.

Но как – умышленно подстроить взрыв? Возможно ли было – как я недавно сказал – совершить диверсию в присутствии солдат-повстанцев, опытных солдат-повстанцев, наблюдающих за процессом разгрузки? Можно ли было совершить диверсию в присутствии работавших там грузчиков? Ведь когда идут операции такого рода, принимаются все надлежащие меры предосторожности. Как тогда можно предполагать, что среди бела дня и в присутствии рабочих и солдат, кто-либо может устроить диверсию? Тогда этот некто должен был, во-первых, быть рабочим, а это полный абсурд – считать, что рабочий пойдет на диверсию. Потому что рабочие – пусть никто в этом не сомневается – ревностные и решительные защитники нашей Революции.

Но поскольку речь сейчас не о теоретических оценках, рассмотрим, действительно ли была возможна такая диверсия. Во-первых, рабочих обыскивают на предмет спичек или сигарет, обыскивают их, чтобы избежать несчастных случаев по неосторожности. Их не только досматривают, есть также уполномоченный, который наблюдает за их работой. То есть их не только проверяют, за их работой также следят солдаты и собственные уполномоченные и товарищи. Провести диверсию в таких условиях категорически невозможно.

Но, кроме того, эти рабочие очень хорошо друг друга знают, ведь их немного, всего 12–18 человек в смене, и в тот день тоже было задействовано ограниченное число рабочих, и все их прекрасно знали.

И вот еще одно обстоятельство, даже более важное, оно заключается в том, что рабочие, разгружавшие судно, не знали, что будут работать именно на этом судне. Корабль прибыл в порт рано утром. Первая смена работала с 11:00 до 13:00. Она разгрузила не отсек с гранатами, а тот, где были ящики с пулями, нижний. Они отработали свою смену с 11:00 до 13:00, и когда они вышли на работу, то просто пришли в порт, а уже в порту их ставят в смену на конкретном корабле, они не знают, на каком именно, потому что в порту работают более 1000 грузчиков, и им может выпасть смена на каком угодно из судов.

Вторая смена получает свои талончики в 12:30 и приступает к работе в 13:00. Эта небольшая группа грузчиков, отобранных из более чем 1000 рабочих, не знала, что им предстоит разгружать взрывные устройства. Так что, версия продуманной операции, плана, предварительной подготовки при таких жестких условиях отпадает. Только ясновидящий мог бы

все устроить и мог бы знать, что в такой-то день из 1000 выберут его для разгрузки взрывных устройств; у него все должно было быть подготовлено, он должен был обмануть досмотрщиков, обмануть бдительность наблюдающих солдат, обмануть бдительность уполномоченного, потребовались бы все эти шаги, чтобы провести диверсию. Но таких обстоятельств невозможно вообразить, ведь это было бы все равно что предположить, что на группу революционных рабочих, которые несколько минут заняты на разгрузке этого оружия, должного послужить защите их интересов и прав, может пасть хоть тень сомнения. Затем, мы, не под слиянием нравственных убеждений, а после тщательного анализа и детального расследования, после подробного опроса всех рабочих, разнорабочих и грузчиков, которые работали в тот день на судне, пришли к выводу, что эта диверсия, как ни суди, не могла быть организована на Кубе. Взорвались снаряды на Кубе, но устройство, спровоцировавшее взрыв, было установлено не на Кубе; детонирующее устройство, использованное для взрыва на судне, как ни суди, не могло быть установлено на Кубе.

Далее, нужно было рассмотреть другие возможные варианты. Возможен ли вариант, что замешаны рабочие с судна, члены экипажа? Вряд ли, весьма маловероятно. Потому что мы допросили их всех по одному, и особенно тщательно тех, у кто имел доступ в трюмы, к грузу и ключам. Во-первых, люди, у которых были ключи, те люди, которые в тот день открыли трюмы, чтобы можно было приступить к разгрузке, погибли в результате взрыва; члены командного состава судна в момент взрыва находились на борту, и невозможно себе представить, чтобы кто-нибудь мог надеяться остаться живым и невредимым, взорвав на судне 30 тонн динамита. Значительная часть членов экипажа выжила, но это не означает, что кто-либо мог быть уверенным, что на судне после детонации 30 тонн взрывчатых веществ может остаться в живых хоть кто-то.

Из 36 членов экипажа, только четверых не было на борту: троих раздатчиков, которые уже накормили экипаж, и смазчика, отработавшего свою смену. То есть, только четверых человек не было на момент взрыва, по совершенно понятным причинам. Все остальные, включая двух пассажиров, находились во внутренних отсеках корабля. Так что маловероятно, что этот диверсионный акт устроил кто-либо из числа экипажа.

И по мере того, как мы углублялись в подробности расследования диверсии, мы подходили к выводу, что эта акция была запланирована на расстоянии, что ее подготовили вовсе не на Кубе, просто не могли подготовить на Кубе, и что очень маловероятно, что эта акция – дело рук одного из членов экипажа. Однако вероятность росла по мере анализа и исследования груза судна.

Здесь мы приняли все меры предосторожности, потому что в этом оружии заинтересованы солдаты и портовые рабочие. Здесь мы знаем, какие у нас могут быть враги. Здесь мы проявляем высочайшую бдительность. Но разве на расстоянии в тысячи миль от нас, там, где далеки от наших проблем, в странах, над которыми не висит угроза диверсионных актов и взрывов, которые не охвачены революционными волнениями и не должны отражать натиск контрреволюции, в такой стране как Бельгия, откуда пришло судно, подготовить диверсионный акт не будет проще, чем здесь, где мы неусыпно бдим, чтобы пресечь любую попытку диверсии?

Из допроса того офицера судна, который отвечал за груз, мы узнали, что боеприпасы грузили на корабль в его присутствии, а когда он отлучался, то под наблюдением другого члена экипажа, в этом случае офицер не смог сказать, кого именно.

Естественно, что в момент погрузки было гораздо проще и легче установить устройство, вызвавшее детонацию этих взрывчатых веществ. И поэтому мы пришли к заключению, что агента, ответственного за эту диверсию, нужно искать не здесь, а за рубежом; что искать его нужно там, где проще подготовить такую акцию. Есть неопровержимый факт, доказанный факт, что взрыв произошел после того, как уже выгрузили больше 20 ящиков, когда подняли один из оставшихся, то есть когда стали выгружать один из следующих ящиков. Когда грузчики принялись за новый ящик, – учитывая, что 20 успели вынести – когда принялись выгружать один

из оставшихся ящиков, произошел взрыв. И это не мог быть случайный взрыв, он был умышленно спровоцирован. То есть когда сдвинули с места один из ящиков, привели в действие детонатор, что спровоцировало взрыв.

Все мы более-менее представляем, что существует множество способов установить такие взрывные устройства-ловушки, которые очень часто используются на войне. Взрыв происходит, если тронуть фуражку, или сдвинуть карандаш, или подвинуть стул. И специалист легко может подложить любой из этих механизмов между двумя ящиками, или под каким-то одним, и, если тронуть этот ящик, должен последовать взрыв.

Как были размещены ящики на судне? Ящики стояли компактными рядами, сдвинуться с места они не могли, потому что такой груз ставят вплотную друг к другу в трюме или в холодильной камере так, чтобы они стояли неподвижно, то есть чтобы сдвинуться им было некуда. Диверсионный акт такого рода можно было осуществить, не беспокоясь о том, что взрыв произойдет до разгрузки в порту. Ведь так и вышло, первые ящики уже выгрузили, и только при разгрузке примерно 30-го ящика произошел взрыв, который не мог быть случайным, – как мы уже доказали – который должны были подготовить заранее, потому что эти ящики находились не в первых рядах, где легко можно было заметить любой посторонний предмет, это были ящики из второго или третьего ряда, и, когда тронули один из этих рядов, когда сдвинули один ящик, тогда и произошел взрыв.

Вот к какому заключению мы пришли, и не по предвзятости, не из пристрастия. Мы исходили из анализа, из улик, из доказательств, из результатов расследования и даже из испытаний, которые мы провели. Все это, прежде всего, привело нас к выводу, что это была диверсия, а не несчастный случай. И на этот счет, я уверен, сомнений не осталось ни у кого, ибо чего еще можно было ожидать?

Годовой оборот взрывчатых веществ в мире составляет миллионы тон, однако сведениями о взрывах судов мы не располагаем. В нашей собственной стране много лет перевозят взрывчатые вещества и работают с ними, однако сведений о том, что происходили подобные взрывы, у нас нет. И не будем забывать, что взрыв американского броненосного крейсера «Мэн», загадки которого никто не смог полностью объяснить до сих пор, даже стал поводом для объявления войны, поскольку, хотя предполагается, что страна, которой принадлежало судно, не смогла провести расследование на месте, хотя она не смогла сделать то, что сделали мы – незамедлительно допросить всех: грузчиков, членов экипажа – всех; хотя они не смогли провести такое расследование, тем не менее они пришли к заключению, что причиной послужил внешний взрыв мины, и объявили войну Испании. Соединенные Штаты пришли к выводу, что это был враждебный выпад сторонников Испании в сторону Соединенных Штатов, и, не получив дальнейших фактов, – ни фактов, ни доказательств – основываясь только лишь на предположении, они решились на принципиальный шаг – объявить войну Испании.

Нам не пришлось так напрягать воображение, не пришлось делать такие малообоснованные выводы, ведь предположение о том, что Испания, в такой непростой ситуации, при такой тяжелой борьбе, стала бы взрывать броненосец Соединенных Штатов, кажется довольно бессмысленным. Это представлялось не самым логичным вариантом; у нас же, напротив, более чем достаточно оснований считать, что тут речь идет о диверсии, и мы знаем, какие международные силы поощряют врагов нашего народа и нашей Революции. У нас есть все основания думать, что были заинтересованные силы, и они постаралось сделать так, чтобы мы не получили оружие. У нас есть все основания, чтобы предполагать или чтобы считать, что организаторами этой диверсии могли быть только те, кто был заинтересован, чтобы мы не получили это оружие. Потому что, чем еще можно руководствоваться, совершая подобный акт, как не своей заинтересованностью в том, чтобы мы не получили эти взрывные устройства? Эту мысль мы должны развернуть.

Те, кто заинтересован, чтобы мы не получили эти взрывные устройства, – это враги нашей

Революции, это те, кто не желает, чтобы наша страна защищалась, это те, кто не желает, чтобы наша страна была в состоянии защитить свой суверенитет.

Мы знаем, сколько усилий было приложено для того, чтобы не дать нам купить это оружие, и среди наиболее заинтересованных в том, чтобы мы не получили это оружие, были государственные чиновники Соединенных Штатов. И мы можем заявить об этом обстоятельстве, не делая из него секрета, потому что, если это секрет, то он, видимо, из тех, которые всем известны. Об этом обстоятельстве говорим даже не мы, об этом сообщило английское правительство. Английское правительство заявило, что правительство Соединенных Штатов заинтересовано в том, чтобы Англия не продавала самолеты Кубе. Об этом говорили сами власти Соединенных Штатов, их собственные представители, усилия, которые они прикладывали, чтобы Кубе не продавали оружие. Мы противостояли этому давлению, мы преодолевали эти препятствия.

Итак, определенная страна, правительство, пользуясь своим огромным мировым влиянием, старается через дипломатические круги воспрепятствовать тому, чтобы небольшая страна вооружалась. Этой небольшой стране нужно защищать свою территорию от врагов, народ этой небольшой страны должен защищаться от преступников, вздумавших вернуться, или от колонизаторов, желающих снова обречь нас на рабство и голод. Мы должны противостоять давлению влиятельного и сильного правительства, чтобы приобрести оружие.

Мы можем утверждать, что к настоящему времени нам удалось добиться, чтобы правительство и оружейный завод одной европейской страны, действовавшей независимо и твердо, не поддались давлению и продали нам оружие, то есть, бельгийский военный завод и правительство этой страны устояли под натиском. И не один, а несколько раз консул Соединенных Штатов, консул Соединенных Штатов в Бельгии и военный атташе посольства Соединенных Штатов в Бельгии пытались, надавив на завод, а также через Министерство иностранных дел, воспрепятствовать тому, чтобы нам продали это оружие.

То есть чиновники правительства Соединенных Штатов неоднократно пытались воспрепятствовать тому, чтобы наша страна приобрела это оружие. И чиновники правительства Соединенных Штатов не могут отрицать этот факт. И этот факт свидетельствует, что они были заинтересованы в том, чтобы мы не покупали это оружие, а среди тех, кому это выгодно, и нужно искать виновных. Среди заинтересованных в том, чтобы мы не покупали это оружие, и нужно искать виновных. Мы имеем право думать, что те, кто по дипломатическим каналам попытался воспрепятствовать приобретению оружия нашей страной, могли попытаться достигнуть желаемого другими способами.

Мы не утверждаем, что они именно так и поступили, потому что у нас нет неопровержимых доказательств. Если бы они у нас были, мы немедленно представили бы их нашему народу и всему миру. Но я заявляю, что мы имеем полное право думать, что те, кому одним путем, определенными путями, не удалось прийти к желаемой цели, могли попытаться достичь ее и другими путями. Мы имеем право думать, что преступников нужно искать среди заинтересованных сторон. Мы имеем право думать, что виновных в смерти тех кубинцев, что погибли вчера вечером, нужно искать среди заинтересованных сторон!

Поскольку, во-первых, какое право имеет какое бы то ни было правительство мешать усилиям, которые прилагает другое правительство для защиты суверенитета своей страны? Какое право имеет какое бы то ни было правительство устанавливать надзор над какой-либо точкой мира? Какое право имеет какое-либо правительство запрещать кубинцам покупать оружие, которое покупают все народы для защиты своего суверенитета и целостности своей страны? Какой стране стремимся запретить вооружаться мы? Каким сделкам по приобретению оружия препятствуем мы? Какие мы чиним препятствия тому, чтобы какой-либо народ вооружался? И кому может в голову прийти, что правительство страны, которая живет в мире, чей народ живет в мире с другим народом, страны, которая поддерживает дипломатические и дружеские – или

которые должны быть дружескими – отношения, имеет право вмешиваться и мешать этому другому народу приобретать оружие? Тем более, если учесть, что страна, от имени которой действует это правительство, приобретает на нашей собственной территории необходимые ей для обороны стратегические ресурсы, причем мы им получать эти ресурсы не мешаем. Мы их усилиям, направленным на оборону, не препятствуем. Мы в их дела не вмешиваемся.

И почему мы не должны покупать оружие для обороны? Почему они так заинтересованы в том, чтобы мы не приобретали средства для защиты? Может быть, они хотят, чтобы нашу страну снова попрали сапоги преступной шайки, которая терзала наш народ семь лет? Неужели они готовят возвращение этих злостных преступников? Или еще хуже, может, они задумали вторжение на нашу территорию? Ведь они не хотят, чтобы наша страна располагала средствами обороны, хотя наша страна не может представлять для их страны никакой опасности. Наша страна не представляет и никогда не будет представлять военную опасность для какой-либо другой страны. Наша страна никогда не нарастит военный потенциал для нападения на другой народ. Потому что позиции нашей Революции сильны в мире не благодаря военной мощи, а благодаря огромной нравственной силе, благодаря тому, что она дает великий пример братским народам, нашим братьям по расе, которых порабощают и угнетают во всей испаноязычной Латинской Америке. Потому что наша сила никогда не будет заключаться в военной мощи, с военной точки зрения мы достаточно сильны, чтобы защитить свою территорию, но мы не нарастили и ни в коем случае не желаем наращивать силы для того, чтобы на кого-то напасть. Потому что мы не стремимся и никогда не станем стремиться никого покорить, подчинить. Но мы достаточно сильны, чтобы себя защитить, потому что защита собственной земли – это другое: это право народа, такое право, которое народ способен отстоять от посягательства любой державы и любой силы.

Мы никогда бы не оказались в силах на кого-то напасть, не только из-за нехватки оружия, людей, средств, а потому, что мы считаем, что у нас нет такого права, и поэтому мы в любом случае были бы не в силах на кого-либо напасть, даже если бы у нас было достаточно средств и оружия, просто потому, что у нас не было бы на это права. И, напротив, если речь идет о защите нашей страны, мы чувствуем свою силу, мы уверены, что нам под силу защитить себя, потому что мы будем защищать наше право, и мы сумеем это сделать.

Почему тогда так не хотят, чтобы мы располагали необходимыми средствами? Лишь потому, что хотят, чтобы мы не смогли защищаться, хотят, чтобы мы были беззащитны. А почему они хотят, чтобы мы были беззащитны? Чтобы сломить нас, покорить нас, чтобы мы не выдержали давления, чтобы нападения на нас не встречали отпора. Имеют ли право препятствовать нам приобретать необходимые средства обороны представители власти государства, которое не смогло воспрепятствовать тому, чтобы его территорию систематически использовали как плацдарм для бомбардировок нашей страны?

Возможно, что завтра в газетах этого государства скажут, что анализировать эти фаты и причины – это оскорбление народа Соединенных Штатов. Стоит пояснить, что мы не оскорбляем народ Соединенных Штатов, мы никогда не оскорбляли народ Соединенных Штатов. Просто в данной ситуации истинные факты называют оскорблениями, их называют оскорблением народа, чтобы выставить наш народ врагом народа Соединенных Штатов. Приводя эти аргументы их правительству, – которое ответственно за политику этой страны – мы не наносим оскорбления народу. Потому что, мы, наоборот, хорошо понимаем, что вредят американскому народу как раз те, кто совершает такие ошибки. Размышлять, называть вещи своими именами, объяснять народу эти факты – вот что они выставляют оскорблением. Потому что они хотят осложнить отношения между двумя народами. Но у нас нет сложностей в отношениях с другими народами, потому что у народа Кубы никогда не будет сложностей в отношениях с каким-либо другим народом мира.

Все народы добросердечны, и нельзя судить народы по делам их правителей. Было бы несправедливо судить кубинцев, этот прекрасный народ, по делам их правителей, которых

свергла Революция. На народах нет вины.

Но, кажется, что на этом континенте, где мы, кубинцы, научились говорить правду без страха, нельзя и намека сделать на истину. А истина такова: посланные против нашего народа самолеты, управляемые преступными наемниками, вылетают из Соединенных Штатов, и правительство этой страны, так обеспокоенное тем, чтобы мы не запаслись оружием, не смогло воспрепятствовать этим полетам.

Мы смогли обеспечить победу нашему народу после семи лет жестокой борьбы и ценой огромных жертв. В то время, любой гражданин мог стать жертвой пыток, мог быть убит на улицах городов или сел, на нашей родине господствовала самая зверская тирания; но это не препятствовало тому, чтобы из Соединенных Штатов приходили корабли, нагруженные бомбами, нагруженные картечью, которые, тем не менее, не взрывались в гаванском порту. Однако, мы никого не убиваем, мы никого не пытаем, нет ни единого человека, которого бы мы избили, и наше Революционное правительство охарактеризовало себя тем, что обеспечило гражданину безопасность, спокойствие, уверенность, обеспечило уважительное отношение к гражданину. Мы не пытаем, мы не убиваем и, тем не менее, оружие, которое должно помочь защитить наш режим, взрывается в порту. И, напротив, мучители нашего народа, палачи нашего народа, те, кто уничтожил 20 000 наших соотечественников, те, кто убивал студентов, крестьян, рабочих, те, кто убивал мужчин и женщин, убивал специалистов, кто мог убить любого гражданина, напрямую получали оружие и боеприпасы, которые не взрывались.

Когда речь идет о справедливом революционном режиме, о гуманном революционном режиме, о режиме, который столько сил приложил для того, чтобы защитить интересы нашего многострадального и эксплуатируемого народа – эксплуатируемого монополиями, эксплуатируемого помещиками-латифундистами, эксплуатируемого привилегированными классами – о режиме, который освободил народ от всех этих несправедливостей, о режиме, отвечающем интересам большинства населения, о гуманном режиме – против него ведут борьбу. А преступный и бесчеловечный режим, режим, основанный на монополиях и привилегиях – поддерживали. Что это за демократия такая, которая помогает преступникам и эксплуататорам? Демократия здесь, где любой человек для нас дороже, всегда останется дороже, денег! Потому что ради денег мы никогда не прольем ни одной капли человеческой крови; ради денег, ради эгоистичных интересов мы никогда не прольем ни капли человеческой крови.

И это еще не все. Ведь кого может удивить, что в порту взорвалось судно, когда работали грузчики? Кого может удивить диверсия, стоившая жизни рабочим? Кого это может удивить, если буквально месяц тому назад – или даже меньше месяца – американский самолет, вылетевший с территории Соединенных Штатов, под управлением американского пилота, с американской бомбой, попытался сбросить ее на предприятие, где трудилось более 200 рабочих? Тогда я сказал: «Какая бы боль обуревала бы наш народ, какая бы была трагедия для нашего народа, если бы сегодня нам вместо трупов этих двух наемников пришлось бы хоронить несколько десятков рабочих?» И словно мои слова оказались вещими. Сегодня мы собрались здесь, чтобы предать земле несколько десятков рабочих и солдат-повстанцев.

Что удивительного в том, что преступников, устроивших эту диверсию, не волновало, что будет такое число жертв, не волновали люди, которых они должны были убить? А что тут удивительного, если меньше месяца назад они собирались сбросить 100-фунтовую бомбу на завод с 200 рабочими в самый разгар трудового дня? Что же тут удивительного, если после этого события мы с доказательствами в руках, спокойно, обратились к народу, объяснили народу случившееся, представили доказательства и даже сказали, чтобы прислали специалистов, чтобы они убедились, что все, что мы сказали – чистая правда; если прошел месяц, и в Соединенных Штатах никого не арестовали, из Соединенных Штатов не экстрадировали ни одного военного преступника, не нашли ни одного виновного, никого не потревожили, даже наоборот, несколько дней спустя, вернулись самолеты, еще и недели не прошло, а они уже бомбили район, где живет премьер-министр Революционного правительства?

Да что же удивительного в том, что они взорвали судно с рабочими, если они хотели сбросить бомбу на сахарный завод и без угрызений совести сбросили на жилой район с детьми 100-фунтовые бомбы? Да что же тут удивительного, ведь как раз вчера в журнале «Боэмия» опубликовали фотографии воздушного флота, который спокойно базируется на американских аэродромах, никем не потревоженный? Да что же тут удивительного, если буквально вчера мы получили сообщение о том, что Хосе Элеутерио Педраса находится в Вашингтоне? Да что же тут удивительного, раз имели место подобные случаи? Только на этот раз удар оказался сильным, кровавым.

Это было закономерно. Прежде, несколько месяцев назад, нам уже пришлось объезжать больницы, которые заполнили жертвы воздушного налета, и виновник до сих пор разгуливает себе на свободе в Соединенных Штатах, и никто его не трогает. Да что же тут удивительного? Ведь целая серия таких действий свидетельствуют о том, что могущественные круги объединяются в своих интересах против нашей Революции; ведь всего несколько дней назад они пустили на производство спирта большое количество кукурузы, чтобы заместить кубинскую патоку; ведь несколько дней назад они отозвали инспекторов, осуществляющих надзор за выращиванием фруктов и овощей, которые идут на экспорт в их страну; ведь всему миру известно о законе, с помощью которого они хотят подорвать суверенитет нашей страны, угрожая не покупать у нас больше сахара. Ведь на днях они собираются вынести на обсуждение Конгресса закон, позволяющий Президенту страны сохранять за собой право в любой момент по своему усмотрению отменить сахарную квоту, сократить ее, вообще не покупать у нас больше сахара.

А что это значит? Это значит, что экономическая структура нашей страны очень слабая. Но почему наша страна слаба экономически? Потому что это именно такую экономическую структуру разработали для нашей экономики иностранные хозяева. Монокультурная экономика, основанная на крупных имениях, латифундиях, отсталая и слабая – результат политики зарубежных господ, 50 лет определявших нашу экономику. И теперь они используют нашу зависимость, от которой мы хотим избавиться, используют эту ситуацию, от которой мы хотим освободиться – а экономическая независимость как раз это и означает – используют нашу зависимость и хотят установить порядки, призванные ограничить наши права и подорвать суверенитет.

Это значит, что, если здесь мы утверждаем законы, если здесь мы принимаем меры на благо нашего народа, они присваивают себе право обречь наш народ на голодную смерть. То есть, пользуясь своим экономическим преимуществом, которое они получили, насадив здесь политику монокультры и латифундий, политику, ведущую к экономической отсталости, они стремятся ограничить, под угрозой уморить нас голодом, право нашего народа действовать независимо и суверенно.

Разве это не новая Поправка Платта, экономическая? Разве это не предостережение о том, что если мы примем меры против латифундий, против монополий, меры на благо нашего народа, то нас заставят поплатиться? Потому что мы маленькая страна, со слабой экономикой. Разве не заявление о том, что, если мы попытаемся укрепить нашу экономику, создать независимую экономику, они угрожают заморить нас голодом? Разве это не попытка ущемить суверенитет нашей страны, не попытка ограничить независимость нашей страны? Разве это не означает, что правительство одной страны узурпирует право решать судьбу другой страны, прибегая к карательным мерам? Потому что эти меры не направлены на защиту национальных интересов, они не нацелены на защиту интересов народа Соединенных Штатов, эти меры не направлены на обеспечение поставок; нет, эти меры, в отличие от наших, нерепрессивных мер, которые мы принимаем для защиты нашего народа, для защиты национальных интересов, – репрессивные. Это не меры защиты национальных интересов, это карательные меры против другой страны, в то время как мы принимаем меры для защиты национальных интересов и интересов народа. Поскольку из наших мер ни одна не нацелена на то, чтобы обречь на голод народ Соединенных

Штатов, наши меры, единственно, могут ударить по бездонному кошельку некоторых американских монополий, но мы не ограничиваем американский народ в средствах существования и труда. Мы принимаем меры против монополий, против их интересов, а не против американского народа. Они принимают меры не для защиты американского народа. Это карательные меры против кубинского народа.

Дабы открыто заявить об этом, нужно было, чтобы к власти пришло Революционное правительство; нужно было, чтобы к власти пришло правительство народа, правительство, которое бы не побоялось громогласно заявить об этом; которое бы не боялось угроз или репрессивных мер; которое бы не боялось военных маневров. Мы можем спросить: «Военные маневры в Карибском регионе, для чего же?» Маневры для отработки высадки десанта на позициях, занятых партизанскими отрядами, с какой же целью? Отработка воздушных переброс при проведении наступательных операций, для чего же? Ведь, если мы правильно понимаем, мировые проблемы решаются на саммитах, как их называют; мировые проблемы сегодня, если мы правильно понимаем, – это проблемы управляемых ракет, передовой науки и техники, но о том, что проблемы, угрожающие миру сегодня, – это проблемы партизанских отрядов, мы не слышали, о том, что миру угрожают проблемы, которые возникают здесь, в Карибском регионе, о том, что в Карибском регионе есть проблемы международного характера, мы не слышали.

Как мы понимаем, великие державы сегодня в военном отношении мыслят не в терминах партизанских войн. Это нам пришлось использовать этот вариант ведения войны против профессиональной армии тирании, нам пришлось приметь такую тактику против численно превосходящих нас сил, имеющих больше средств. Но я не слышал еще о том, чтобы в мире военные вопросы решались бы в терминах партизанской войны. Когда мы наблюдаем маневры для отработки высадки десанта морской пехоты против партизанских отрядов, мы задаемся вопросом: зачем и почему? Они на самом деле планируют высадку – я себя спрашиваю – или просто хотят запугать? Они хотят нас запугать? Нам хотят дать понять, что на нас в любой момент могут напасть? Уже есть представители правительства Соединенных Штатов, которые говорят о возможном развитии событий, и среди прочих вариантов предрекают возможность высадки здесь.

Кто сказал, что здесь кто-то сможет высадиться? Кто сказал, что здесь спокойно можно высадиться? Для начала, когда среди вероятных вариантов развития событий, – хорошо об этом говорить в такой день, как сегодня, потому что мы, кубинцы, уже достаточно созрели в отношении патриотизма и сознательности, чтобы против нас использовать подобные намеки, в самом деле, – когда среди возможных вариантов развития событий, когда среди прочих возможных вариантов они с таким спокойствием говорят о том, что пришлют сюда морскую пехоту, мы, позвольте мне сказать, просто поражаемся. Как будто бы мы пустое место, как будто бы при таких обстоятельствах мы будем сидеть, сложа руки, как будто бы кубинцы не дадут отпор любой высадке, любым войскам, которые вознамерятся покорить наш народ!

Об этом нужно сказать, мы должны сказать об этом решительно, сегодня, здесь, именно в этот момент, когда мы пришли сюда для того, чтобы предать земле солдат, рабочих, простых граждан, которые еще вчера вели ту же жизнь, что мы сегодня. И кто знает, сколько раз мы встречались с ними на работе, на демонстрациях, или в военных казармах, или в районе военных действий? Кто знает сколько раз они также, как вы, аплодировали, жили полные благородных надежд, которые зародила Революция в сердце каждого простого кубинца? Сейчас, когда мы траурным шествием пришли сюда, чтобы предать земле их останки, спокойно и сдержано выполняя наш печальный долг, а мы знаем, как следует выполнять наш долг, мы в силах выполнить его самоотверженно, и мы в силах выполнить его, зная, что завтра погибнуть можем мы, погибнуть, как погибли наши соотечественники вчера, как погибли до них другие, – мы, кубинцы, научились спокойно и хладнокровно смотреть смерти в глаза, потому что мы, кубинцы, познали настоящий смысл жизни и считаем недостойным жить без свободы, без чести, без справедливости, без цели в жизни, без великой цели, без такой цели, ради которой живут сейчас

кубинцы – сейчас, на этой церемонии, среди погибших от рук неизвестных преступников, давайте решительно заявим, что мы не боимся никаких высадок десанта в нашей стране. Мы незамедлительно возьмем в руки оружие и займем боевые позиции, мы не станем колебаться и не дрогнем перед любым десантом, который вознамерится высадиться в этой стране. Мы, кубинский народ, рабочие, крестьяне, студенты, женщины, молодежь, старики, даже дети, без колебаний, спокойно и хладнокровно займем свои боевые позиции, если какие-либо иностранные силы осмелятся высадиться на нашем побережье, и неважно, с судна, или с самолета, или на парашюте, или иным способом, и неважно, сколько их будет.

И примечательно, что мы говорим это без всякого бахвальства, как люди, полные решимости сдержать обещание. И если кто-то в этом и сомневался, то вчерашние события должны были навсегда развеять любые сомнения даже у самого закоренелого пессимиста. Тот, кто вчера наблюдал реакцию народа; тот, кто вчера видел это замечательное и вместе с тем ужасное происшествие; тот, кто стал свидетелем того, как толпы народа шли прямо на огонь, как шли солдаты, рабочие, полицейские, моряки, пожарные, ополченцы, как они шли к источнику опасности, к месту гибели, без тени страха; тот, кто вчера оказался свидетелем того, на что способны кубинцы; тот, кто видел, как солдаты и простой народ шли навстречу опасности, чтобы помочь пострадавшим, помочь раненым на охваченном пламенем корабле, вокруг которого пылал пожар, когда никто не знал, сколько еще будет взрывов; тот, кто видел, как эти потоки людей смело взрывом, как эти люди погибли при втором, не при первом, взрыве; тот, кто видел, как вчера народ повел себя; тот, кто видел, как народ руководил движением, как народ наводил порядок, как народ шел прямо взрыв, оставивший после себя грибовидное облако, напоминающее облако ядерного взрыва; тот, кто видел, как народ шел прямо на это грибовидное облако, даже не зная причины взрыва, может быть уверен в том, что наш народ способен обороняться, способен выступить даже против ядерной атаки.

Все это произошло вчера. Это не пустые выдумки, это реальный факт, свидетелем которого стал весь народ. Это реальность, за которую нам пришлось заплатить множеством бесценных жизней, жизней людей, погибших, пытаясь спасти своих товарищей; людей, спокойно и хладнокровно пожертвовавших своей жизнью ради спасения товарищей, застрявших под грудами искореженного железа, оставшимися от судна, или среди развалин зданий. Это реальность, стоившая жизни пожарным, которые хладнокровно шли вперед, чтобы потушить здания, где хранились взрывоопасные вещества. Тот, кто видел события, подобные вчерашним, кто знает о народе, столь же достойном, мужественном, великодушном и честном, как наш, имеет право знать, что этот народ способен дать отпор любой агрессии.

Надеюсь, что те, кто, лишившись последней капли здравого смысла, дерзают рассматривать как возможный вариант нападение на нашу страну, поймут чудовищность своей ошибки. Это избавит нас от многочисленных жертв. Но, если это нападение все же, к сожалению, совершат, к глубокому сожалению, особенно для тех, кто нападет на нас, пусть они не сомневаются, что здесь, на этой земле, что носит имя Куба, здесь, против этого народа, против кубинского народа, придется сражаться, и мы будем стоять до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы ни на кого не станем нападать, никому не следует нас бояться. Но тот, кто вознамерится на нас напасть, должен твердо знать, что с нынешними кубинцами – а сейчас не 1898 год, и не 1899-й, это не начало века, это не 10-е, 20-е или 30-е годы двадцатого века – с кубинцами этого десятилетия, с настоящим поколением кубинцев, с кубинцами этой эпохи – не то чтобы мы были лучше прошлых поколений, но нам выпало счастье увидеть все в более ясном свете, нам посчастливилось руководствоваться примерами истории, нам выпала счастливая возможность получить урок истории, урок, который стоил стольких жертв нашим предкам, урок, который стоил стольких унижений и страданий прошлым поколениям, нам посчастливилось получить этот урок – с этим поколением кубинцев, тот, кто вознамерится на нас напасть, должен будет сражаться до последней капли крови, мы пустим в ход оружие, которое у нас есть, оружие, которое мы купим, которое мы купим у тех, кто нам его продаст, вот как просто, мы пустим в ход боеприпасы и оружие, которые мы купим там, где посчитаем нужным, мы пустим в ход оружие, которое в бою отнимем у врага, а уж это мы умеем.

И нам не страшны угрозы, нас не пугают маневры. Мы помним, что однажды нас было всего лишь 12 человек и наша сила по сравнению с силой тирании казалась такой малой, ничтожной, что никто бы и не поверил, что мы сможем выстоять. Однако, мы тогда верили в то, что мы выстоим, также как и сегодня мы верим в то, что сумеем оказать сопротивление любому нападению. И не просто сумеем оказать сопротивление, но и отразим любое нападение. Перед нами снова, так же, как и в начале нашей революционной борьбы, только одна альтернатива: свобода или смерть. Только сейчас свобода имеет для нас еще большее значение: свобода – это родина, поэтому наша альтернатива – родина или смерть.

Сегодня, в этот печальный, трагический день, день, скорбный для народа, скорбный для правительства, скорбный для родственников погибших граждан, рабочих и солдат, в такую минуту, как эта, в такой важный момент, нужно четко заявить о нашей позиции, и мы полны решимости оказать сопротивление, и не только военное. Может быть, думают, что нам хватит смелости умереть, но вот лишений мы не перенесем. Но мы способны перенести даже самые невообразимые лишения.

Если бы те, кто начал борьбу в горах, были бы не способны переносить лишения, они бы потерпели поражение. Однако этого не произошло, потому что они обладали достаточной выдержкой, чтобы вынести все лишения. Слабые люди это те, кому не хватает выдержки терпеть лишения. Сильные мужчины или женщины это те, кто обладают достаточной силой духа, чтобы перенести любые лишения. Народ, способный на любую жертву в бою, также должен быть способен вынести любые лишения. И также будет ошибкой считать, что нас можно сломить экономическим давлением. Здесь стоит сказать, что лучше голодать на свободе, чем влачить рабское существование среди роскоши. Лучше быть бедными, но свободными, несмотря на то, чего нам это будет стоить, и пусть даже наш путь к экономическому благосостоянию окажется долгим – наступит день, когда мы достигнем и этой цели, – но лучше быть бедными, но свободными, чем богатыми, но рабами, тем более, что здесь мы были рабами и были бедны, а сейчас, по крайней мере, мы бедные, но свободные, и когда-нибудь мы станем свободными и к тому же богатыми.

Так что мы не продадимся за экономические подачки, тем более, что этих экономических выгод пока никто, никогда, нигде не видел. Здесь все видели лишь нищету, несправедливость и эксплуатацию. Других слов не подобрать, чтобы описать все это: сотни тысяч детей у которых нет, или не было, возможности ходить в школу; убогие хижины, мертвый сезон, безработица, жизнь в смертных муках. И Куба, наш народ, лишь боролся, чтобы избавиться от этих бедствий, чтобы выйти из этого бедственного положения, мы лишь требуем то, что нам принадлежит по праву, мы всего лишь защищаем то, что нам принадлежит, и наш народ. И в этом международная плутократия усмотрела вину Кубы: в том, что она защищает свои интересы, защищает свой народ и то, что ей принадлежит по праву, от эксплуатации и колонизации. Именно поэтому над нашей территорией летают самолеты, это истинная причина дерзких выходок преступников, оберегаемых этой плутократией; именно по этой причине нигде в мире корабли не взрываются, нигде в мире самолеты не бомбят, а на нашей родине рабочие находятся под угрозой, что на них могут в любой момент сбросить 100-фунтовую бомбу или они могут стать жертвами адского взрыва в самый разгар рабочего дня.

Это истинная причина ненависти могучей олигархии, которая нам противостоит. Это причина заговора против нашей родины. Мы ее хорошо понимаем, потому что нужно, чтобы мы понимали наши проблемы, нужно, чтобы мы понимали эти истины, и нужно их провозглашать, а также нужно, чтобы те, кто хочет диктовать нам свои интересы, и эти заговорщики не переходили черту и понимали, что о том, чтобы строить, из-за границы, планы относительно проблем нашей страны или их решений или планы по организации контрреволюций, речи быть не может. Они должны понимать – чтобы строить планы относительно нашей страны, во-первых, нужно считаться с нами, а если с нами не считаются, потому что для них мы не существуем, то тогда пусть несут ответственность за свои действия.

Сегодня мы собрались здесь в окончании одного из самых печальных дней, но также и одного из дней величайшей стойкости, одного из самых знаменательных дней в истории нашей родины. Кто бы мог 14 месяцев назад, когда мы вошли с повстанцами из провинции Ориенте на улицы этого города под безудержное ликование народа, сказать, что наступит день, когда мы, охваченные скорбью и печалью народной, пройдем теми же улицами, чтобы похоронить погибших, среди которых были не только рабочие, но и те же солдаты, которые проходили тогда здесь, держа в руках знамена национального освобождения? Кто бы нам мог сказать тогда, что виновные в убийствах многих тысяч кубинцев, и соучастники этих убийц заставят нас вновь – и неизвестно сколько еще раз – оросить слезами могилы новых жертв, свежие могилы граждан, убитых теми же самыми преступниками и их сообщниками? Как бы горько нам ни было все это осознавать, это правда. И вот мы собрались сегодня, здесь, для того, чтобы исполнить наш печальный долг, и мы исполним его еще столько раз, сколько потребуется. Мы выполним наш долг, придется ли нам вновь следовать с траурным кортежем или лежать в гробу. Мы сумеем выполнить наш долг, потому на место павших встанут другие, павших сменят живые!

Наши потери за эти 14 месяцев велики: дорогие, незабвенные товарищи, которые уже не следуют с нами в траурном кортеже; товарищи, которые пали, выполняя свой долг. Однако строй идет вперед, народ продолжает марш. Вот что важно! И какое грандиозное зрелище – народ в строю. Какая прекрасная, какая впечатляющая картина – народ, сомкнувший ряды, какая великолепная картина предстает нам сегодня. А ведь сегодня мы видим, как вместе идут те, кого несколько лет назад невозможно было представить в одном строю, и никто не мог даже мечтать несколько лет назад о том, что ополчение рабочих будет идти плечо к плечу с университетскими бригадами, плечо к плечу с солдатами Повстанческой армии, плечо к плечу с военно-морскими силами и полицией, плечо к плечу с колонной крестьян в сомбреро «мамби», крестьян, идущих стройными боевыми рядами, винтовки перекинуты через плечо, крестьян из горной местности, которые сегодня разделяют с нами эту скорбную минуту, чтобы никто не остался в стороне, для того чтобы там, где слились воедино с народом министры и простые граждане, объединилась вся наша нация, во всем своем благородстве, боевом духе и героизме.

Кто мог себе представить, что настанет день, когда военные и рабочие перестанут быть врагами; что наступит день, когда военные, рабочие, студенты, крестьяне и народ больше не будут друг другу врагами; что однажды представители интеллигенции будут маршировать плечо к плечу с вооруженными людьми; что когда-нибудь интеллект, сила труда и оружия будут идти рядом, как сегодня!

Раньше они шли разными путями; раньше они были врагами; раньше родину разделяли различные интересы, разные группы, разные организации, а сегодня Родина – это единое чувство, Родина – это единая сила, Родина – это единая группа. Сегодня не гибнут в борьбе друг против друга крестьяне и солдаты или студенты и полицейские, народ и вооруженные силы, сегодня мы все исходим из единого стремления и единого желания. Народ и военные – одно целое. Раньше они боролись между собой, сегодня они сражаются рука об руку; раньше они шли разными путями, сегодня они идут вместе. Сегодня сражаются вместе рабочие и солдаты, сегодня они умирают вместе, помогая друг другу, отдавая за других свои жизни, как родные братья.

Поэтому сегодня я увидел, что наша Родина как никогда сильна. Сегодня предстала передо мной как никогда крепкой и непобедимой наша Революция, предстал как никогда мужественным и героическим наш народ. Сегодня казалось, будто в пролитой крови, в крови солдат и рабочих, крови кубинских рабочих и французских рабочих… Французских рабочих, которые тоже погибли, исполняя свой долг, когда доставляли нам боеприпасы для защиты нашего суверенитета, и поэтому мы не забыли о них, когда оказывали помощь нашим рабочим. Когда мы оказывали помощь родственникам погибших кубинцев, мы не забыли французских рабочих, которые тоже погибли в результате этого варварского акта, от рук этих убийц, врагов рабочих здесь, на Кубе, и в любой другой части света. И вчера эти преступники своими действиями породнили кровь

рабочих Франции, где в ходе первой в Новой истории человечества великой революции впервые прозвучал призыв к свободе; они породнили кровь французских и кубинских рабочих. Поэтому мы, видя во французских рабочих наших братьев, оказали помощь их близким с равным великодушием. Ведь у них остались жены, матери и дети. Для нас, для такого великодушного народа как наш, это элементарное проявление солидарности, которую мы проявляем по отношению к народам всего мира.

Сегодня, как я уже сказал, в моих глазах как никогда доблестна наша Родина, как никогда замечателен наш народ, достойный восхищения, подобного восхищению колонной, вернувшейся с боя, достойный того, чтобы присоединится к нему и солидаризироваться с ним, так же, как становятся более близкими друг другу воины после сражения.

Не надо печалиться об опустевших местах в наших рядах; важна сила духа тех, кто остался в строю. Мы переживали потери в наших рядах, в рядах нашей армии, не единожды, а многократно; нам больно видеть эти потери, так же как сегодня больно видеть эти потери среди народа, но важна, прежде всего, решимость народа, который остается в строю.

Итак, прощаясь сегодня с погибшими солдатами и рабочими, я не нахожу других слов, лишь те, что выражают идею этой борьбы и то, что сегодня представляет собой наш народ: Покойтесь с миром, вместе! Вместе – рабочие и солдаты. Вместе – в могилах, также как вместе сражались, как вместе погибли, и как вместе все мы готовы умереть.

Прощаясь с ними у входа на кладбище, я даю им обещание, даю слово, которое мы не просто обязуемся сдержать сегодня, но и сдержали вчера, и будем держать всегда: Куба не дрогнет, Куба не отступит; кубинская Революция не остановится, кубинская Революция не повернет назад, Революция будет победоносно идти вперед, Революция продолжит свой путь, несокрушимая!

Обещание это мы даем не погибшим, потому что умереть за родину – значит вечно жить, а товарищам, которые всегда будут с нами в нашей памяти как неотъемлемая часть нашей жизни; и не в памяти сердца одного человека, или нескольких человек, а в общей памяти, которая ничего не забывает, – в памяти народа.

Стенографическая версия: Государственный Совет

Стенографическая версия: Государственный Совет

URL de origen: http://www.fidelcastro.cu/es/node/83463?width=600&height=600

Enlaces
[1] http://www.fidelcastro.cu/es/node/83463